

ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ В РОССИЙСКОМ ОБРАЗОВАНИИ

Мухамеджанова Н.М.

Оренбургский государственный университет, г. Оренбург

Начиная с конца XX века система образования в России становится сферой безудержного экспериментирования, внедрения педагогических новаций, которые приобретают характер массовой эпидемии или моды. В педагогической среде формируется своеобразная установка на презумпцию новаций, на непогрешимость любых нововведений, доказавших свою эффективность в других обществах и других культурах. Однако педагогические новации часто оказываются малоэффективными, поскольку они плохо осмыслены в теоретико-методологическом плане. За пределами внимания экспериментаторов остаются такие значимые и актуальные для любых реформ вопросы, как: Какова роль традиций и новаций в культуре? Каковы условия внедрения новаций в сферу культуры? И не «запрещены» ли они культурой, как, например, запрещены в природе (но не в мифологии и искусстве) крылатые лошади? Каким должно быть соотношение традиций и новаций в культуре для ее успешного функционирования и развития? и др. Рассмотрим данную проблему, используя аппарат синергетической теории.

Культура – суперсложная, многомерная, иерархически упорядоченная система, которая включает в себя огромное количество подсистем, элементов и форм, находящихся в сложной взаимосвязи и взаимозависимости. На разных этапах развития в состав культуры включаются не только устойчивые элементы, воспроизводящиеся в течение длительного времени как «коллективная память народа», но и феномены подвижные, оперативные, неустойчивые и эфемерные, возникающие под влиянием соответствующих исторических условий, конкретной экономической, политической, социальной ситуации. Целостность и самоидентичность этих разнопорядковых элементов системы обеспечивается за счет наличия в ней культурного «ядра» – самой стабильной, устойчивой и консервативной части культурного наследия, передающейся от поколения к поколению и воспроизводящейся в течение длительного времени. Именно эту устойчивую и консервативную часть культурного наследия мы называем культурной традицией. «Ядро» выполняет в культуре ту же роль, что и геном в эволюции биологического вида. Представляя собой производное эволюционного процесса, результат отбора жизненно важных признаков системы, обуславливающих ее жизнеспособность, такой социальный геном имеет несколько принципиально важных для самосохранения системы значений: во-первых, он обеспечивает сохранность базовых характеристик системы в кризисные ситуации и выход ее из кризиса; во-вторых, «ядро» системы составляет ее структурный потенциал, информация о котором позволяет в какой-то мере прогнозировать возможные пути развития системы; в-третьих, геном социальной системы проявляет те локусы системы, на которые силовое, противоречащее ее природе воздействие недопустимо [1, с. 97-98]. Такое наследственное, инвариантное ядро системы, благодаря которому

она воспроизводит и сохраняет себя, по аналогии с геномом биологического организма называется также *гевос* – геном эволюционирующей системы [2, с. 146].

Традиция как наиболее древняя и устойчивая часть культуры определяет ее фрактальную природу, способность элементов системы сохранять в себе тотальные свойства целого. Самоподобие системы и составляющих ее элементов проявляется, во-первых, в структурной тождественности элементов различных масштабов. Подобно тому, как одна клетка содержит в себе всю основную информацию о биологическом организме в целом, каждый элемент культуры (например, духовный мир конкретного человека) несет в себе информацию о культуре общества, в котором данный человек живет, ее инвариантные черты. Во-вторых, самоподобие системы проявляется в самождественности культуры на разных этапах ее истории, ее воспроизводимости несмотря на существенные изменения условий внешней среды. Фрактальное самоподобие различных этапов развития культуры позволяет трактовать процесс ее эволюции как «дробное, самоподобное, переходное состояние-процесс» [2, с. 148]. Таким образом, культура – это нелинейный морфологический и семантический фрактал, и именно фрактальная природа культуры является тем основанием, которое обеспечивает единство культуры и преемственность ее развития.

Традиция как базовые инвариантные характеристики культуры определяет ее способность к автопоэзису – способность к регенерации, самовоспроизводству и самообновлению при функционировании, а также самореферентность культуры – ее ограниченность от внешнего мира, позволяющая ей соотноситься с самой собой и воспроизводить себя как единое целое [3, с. 50]. Механизмы автопоэзиса и самореферентности, присущие социокультурным системам, обеспечивают их автономный (независимый от среды), самодостаточный характер и позволяют рассматривать их как *операционально замкнутые системы*, что отнюдь не противоречит синергетическим представлениям об открытости социальных систем. Данные понятия отражают способность культуры как сложной самоорганизующейся системы развиваться не только вследствие импульсов из внешней среды, но и вследствие реализации имманентно присущей каждой культуре информационной программы, задающей процессу воспроизводства определенную направленность, определяющей логику ее развития и сконцентрированной в традиции.

Однако традиция как механизм аккумуляции и преобразования жизненного опыта в человеческих сообществах носит амбивалентный характер. С одной стороны, традиция – механизм воспроизводства культуры, выполняющий те же стабилизирующие, гомеостатические функции, что и генетические программы в процессах эволюции биологических видов. С другой стороны, традиция выступает как механизм обновления культуры. Как и генетические программы видов, традиции направлены на приспособление к предвидимым, стабильным, существенно важным для выживания системы свойствам среды: повторяющимся внешним, природным и социальным,

состояниям, стереотипным ситуациям, устойчивым процессам, т.е. представляют собой «генерализированные модели вероятности протекания соответствующих адаптивных процессов» [4, с. 4]. Однако непредвиденные многообразные условия среды, не «предусмотренные» информационной программой, приводят а) к модификации существующих программ за счет их пластичности и гибкости; б) к структурной перестройке, замещению их новыми, благодаря механизму творческих новаций. Такие флуктуации стереотипов традиции, новации Э.С. Маркарян называет *культурными мутациями*, которые проходят социокультурный отбор в обществе (как и биологические мутации), стереотипизируются и закрепляются в качестве новых традиций. Следовательно, культурные традиции выполняют, как и биологические программы видов, стабилизирующую, гомеостатическую, селективную и обновляющую функции.

Таким образом, традиция – органическое единство консервативной и креативной составляющих, не поддающееся расчленению. Поэтому Э.С. Маркарян выступает против жесткого противопоставления традиции творческой активности людей, поскольку любая новация, которая принимается обществом, стереотипизируется и превращается в традицию [5, с. 155].

С позиций ученого, постоянное взаимодействие культуры с разнообразной окружающей средой, порождающее культурные мутации («банк мутаций»), придает самой культуре избыточный характер, что имеет огромное адаптивно-эволюционное значение для развития общества, поскольку позволяет ему отвечать на «вызовы» среды в новых, резко изменившихся условиях. Таким образом, культура – своеобразный резервуар мутаций, не ставших традициями, но обеспечивающих ее адаптивный потенциал в непредвиденных условиях среды. В синергетической теории данная особенность самоорганизации систем получила название закона нефункционального разнообразия (закона Эшби). Однако избыточное культурное разнообразие способно породить конфликты и противоречия между культурными сообществами, вести к дезинтеграции и распаду системы. Следовательно, для развития культуры необходим «оптимум разнообразия», поскольку «избыток» разнообразия ведет к усложнению системы, уменьшению ее структурной устойчивости и повышает вероятность распада; и, напротив, отсутствие или недостаток разнообразия, повышая структурную устойчивость системы, способно привести ее к деградации, неспособности приспособиться к изменившимся условиям внешней среды. К таким же выводам приходит и Е.Седов, рассматривающий вопрос о соотношении информационных и энтропийных свойств системы, применительно к культуре – соотношении традиций и новаций [6].

Таким образом, важным для развития культуры является не столько сам механизм возникновения новаций, сколько их *стереотипизация* – принятие сообществом и закрепление в культуре в качестве устойчивых моделей поведения, образцов, стереотипов. При этом главным критерием социокультурного отбора новаций с целью их последующего усвоения является их соответствие внутренним тенденциям развития культуры, а также

социально-политическому и экономическому положению ее носителя [7, с. 174-178]. В противном случае неизбежно сопротивление культуры новациям, конфликт традиций и новаций, ведущий к дестабилизации социокультурной системы, протестным движениям и бунтам. Так, анализируя исторический опыт модернизации восточных стран, А. Тойнби пишет: «Мораль, похоже, такова, что социальное наследие плохо переносит трансплантацию. Духи Культуры, являющиеся ангелами-хранителями родных пенатов – на родной почве, где они чувствуют себя своими, где существует гармония между ними и обитателями дома, – превращаются в духов-разрушителей, попадая в дом, заселенный незнакомцами: ведь эти незнакомцы, естественно, не знают о тайнах, неуловимых обычаях, к которым расположены души их новых богов» [8, с.75]. Поэтому синергетика отвергает модернизационные стратегии, основанные на насильственном вмешательстве в развитие социокультурных систем, доказывая рискованность и опасность такой политики в современном, нелинейно развивающемся мире.

В том же случае, если сопротивление новациям в обществе по каким-либо причинам невозможно, возникает имитация новаций, когда под современной «оболочкой» скрывается вполне традиционное содержание. Примеров этому в мировой истории достаточно. Так, демократизация политических институтов в восточных странах, не имеющих демократических традиций, на деле воспроизводила традиционные по своей сути принципы наследования государственной власти. Например, убитого премьер-министра Пакистана Зульф리카ра Бхутто сменила его дочь Бенадир Бхутто; премьер-министра Индии Джавахарлала Неру – его дочь Индира Ганди, а затем внук Раджив Ганди.

Таким образом, говоря о роли традиции в культуре, необходимо сделать следующие выводы:

- 1) традиция есть результат приспособления общества к определенным условиям окружающей – природной и социальной – среды;
- 2) традиция обеспечивает воспроизводимость культуры, не смотря на существенные изменения внешней среды. Традиция сохраняется, часто даже вопреки нашим усилиям разрушить ее;
- 3) традиция определяет границы допустимого силового воздействия на систему, а также возможные будущие пути развития общества. А значит, не какие угодно пути развития возможны в данной среде.

Поэтому управление процессом внедрения новаций в культуру должно исходить из того, что, во-первых, новация должна соответствовать базовым, инвариантным чертам культуры, т.е. традиции; во-вторых, она должна соответствовать условиям внешней – природной и социальной – среды. Все сказанное может быть отнесено как к эндогенным новациям, возникшим в самой культуре, так и к новациям экзогенным, заимствованным из других культур. На этих выводах основывается один из основополагающих принципов «мягкого» (синергетического) управления, состоящий в том, что «системе нельзя навязывать способ поведения, не предусмотренный ее потенциальной

структурой» [1, с. 98]. Управление системами должно строиться с ориентацией на возможный и осуществимый в данной среде результат.

Переходные процессы в России характеризуются тотальным отрицанием предшествующего опыта и форсированным внедрением новаций, западных по своей сути, во все областях общественной жизни. Основной тенденцией развития российского образования становится усвоение европейской модели образования, сложившейся в иных политических и экономических условиях, в условиях иной культуры и иной традиции. Но, поскольку социальные условия, в которых работает сегодня педагогическое сообщество России, принципиально отличаются от соответствующих условий западных педагогов, результатом становится «пробуксовка реформ»: меняется внешняя «оболочка» образования, содержание же и методы зачастую остаются традиционными.

Так, в систему высшего профессионального образования России сегодня внедряется множество разнообразных новаций (акцент на самостоятельной работе студентов, балльно-рейтинговая система оценки студентов, интерактивные формы обучения и пр.), представляющих определенную сложность для преподавателя и требующих значительных временных и физических затрат. Однако, поскольку эти затраты педагогов никак не вознаграждаются (опять же в силу отсутствия экономических, финансовых условий), ведущей тенденцией развития образования становится имитация новых форм при сохранении сущностных характеристик образования.

Такой тип управления, когда управляемая система вынуждена приспособливаться к явно завышенным целям и задачам, определяемым управляемой системой, А.А. Зиновьев, называл волюнтаристским типом управления, при котором «власть стремится принудительным порядком заставить общество жить так, как того хочется высшей власти» [9, с. 336]. Следствием такого стиля управления становится либо бунт, либо (при невозможности бунта) халтура. Именно такой тип управления, по мысли философа, был характерен для советского общества. Противоположный тип управления, когда управляющая система приспособливается к управляемой, т.е. исходит из ее внутренних возможностей и потенций, он называл приспособительным типом управления, характерным, например, для западных обществ.

В постсоветской же управленческой культуре по-прежнему господствует установка советской эпохи на авторитаризм и административные методы управления при неоправданном калькировании западных схем, не соответствующих экономическим, политическим и пр. условиям России и не учитывающих этнокультурной специфики отечественной рабочей силы, ее сильных и слабых сторон [10, с. 50]. Из сказанного следует, что сложившаяся в России система управления не соответствует характеру проводимых реформ, что и является, на наш взгляд, одной из причин их «пробуксовки».

Список литературы

1. Романов, В.Л. *Социальная самоорганизация и государственность* / В.Л. Романов. – М.: Изд-во РАГС, 2000. – 141 с.

2. Войцехович, В.Э. Синергетическая концепция фракталов / В.Э. Войцехович // Синергетическая парадигма. Человек и общество в условиях нестабильности. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 583 с.
3. Аванесова, Г.А. Социокультурное развитие регионов: механизмы самоорганизации и региональная политика / Г.А. Аванесова, О.Н. Астафьева. – М.: Изд-во РАГС, 2004. – 314 с.
4. Маркарян, Э.С. Культура как способ социальной самоорганизации / Э.С. Маркарян. – Пуццино: ОНТИ НЦБИ АН СССР, 1982. – 20 с.
5. Маркарян, Э.С. Теория культуры и современная наука (логико-методологический анализ) / Э.С. Маркарян. – М.: Мысль, 1983. – 284 с.
6. Седов, Е. Информационно-энтропийные свойства социальных систем / Е. Седов // Общественные науки и современность. – 1993. – №5. – С.92-100.
7. Арутюнов, С. А. Народы и культуры. Развитие и взаимодействие / С.А. Арутюнов. – М.: Наука, 1989. – 243 с.
8. Тойнби, А.Дж. Цивилизация перед судом истории / А. Дж. Тойнби. – М.: Прогресс – Культура, 1996. – 480 с.
9. Зиновьев, А.А. Коммунизм как реальность / А.А. Зиновьев. – М.: Центрполиграф, 1994. – 495 с.
10. Шкаратан, О.И. Русская культура труда и управления // О.И. Шкаратан // Общественные науки и современность. – 2003. – №1. – С. 30-54.